

А.Н. ЧУМАКОВ. *Глобальный мир: столкновение интересов*. М.: ПРОСПЕКТ, 2018. 512 с.

С автором рецензируемой монографии — известным специалистом в области социальной философии, проблем взаимодействия в системе Человек — Природа, методологии глобальных исследований — я познакомился на первой летней выездной моисеевской экологической школе «Универсальный эволюционизм Н.Н. Моисеева и современная научная картина мира», которая прошла в нашем Институте в июне 2017 г. А.Н. Чумаков сделал интересный доклад «Н.Н. Моисеев и проблемы глобалистики», в котором подробно были рассмотрены такие аспекты глобалистики, как глобальные трансформации современного мира, глобализация как естественно-исторический процесс, основные этапы осмысления и концептуальные модели глобализации (в частности, критически были рассмотрены представления Н.Н. Моисеева о коэволюции системы Природа — Общество). При этом А.Н. Чумаков постоянно подчеркивал важность понимания того, что успешное осмысление процессов глобализации и предотвращение сопряженных с ней опасностей лежит на пути синтеза теории глобализации и основанной на ней стратегии действий. Глобальные проблемы являются результатом не только глобализации экономических, политических, культурных аспектов жизни мирового сообщества, но и тесным образом связаны с такими фундаментальными явлениями нашей жизни, которые описываются понятиями «культура» и «цивилизация».

Это первое знакомство заставило меня внимательно просматривать целый ряд статей и монографий А.Н. Чумакова «по глобалистике», в том числе и две этапные для него, как мне представляется, монографии (Чумаков А.Н. *Глобализация: контуры целостного мира*. М., 2005 (2-е изд. 2014, 3-е изд. 2017); Чумаков А.Н. *Метафизика глобализации: культурно-цивилизационный контекст*. М., 2006 (2-е изд. 2017)). И вот я получил рецензируемую книгу, которая является, как свидетельствует сам автор, заключительной частью этой трилогии, посвященной авторской концепции общей теории глобализации.

В небольшом разделе «Методологические замечания» автор предупреждает читателя, что его книга — «не для легкого и быстрого чтения. Она поднимает непростые и актуальные вопросы, которые по большей части составляют основу нашей повседневности и определяют будущее общественного развития» (с. 10). Мне представляется, что именно этот раздел является своего рода ключом ко всей монографии, о чем свидетельствует и весьма ироничная его концовка: «Наконец, обсуждая социальные проблемы, где сталкивается множество

интересов, мнений, точек зрения и позиций, будем иметь в виду два непреложных правила (две извечные закономерности), которые, так или иначе, имеют место в любом обществе: 1. В истории человечества еще не было сотворено или придумано такой ахинеей или беспросветной глупости, у которой не нашлось бы хотя бы одного последователя. 2. В истории человечества еще не было открыто или высказано такой абсолютно очевидной истины, у которой не нашлось бы хотя бы одного оппонента» (с. 13).

Первая глава «Геополитические реалии XXI века» лишней раз подчеркивает связь геополитики с географией, историей и властью (вопросы контроля над территориями, закономерности распределения и перераспределения сфер влияния различных государств и межгосударственных объединений, основные угрозы XXI в. (как традиционные — гонка вооружений, терроризм, торговля наркотиками и пр., так и сравнительно новые — киберпреступность, радикальный национализм, изменения климата, неконтролируемая миграция и пр.), конфликт единичного, частного и общего в социальной сфере, увеличение риска нестабильности общественного развития при неадекватности восприятия глобальных проблем). Здесь, в силу своих личных интересов, чуть подробнее остановлюсь на подразделе «Природные ресурсы как фактор мировой политики». А.Н. Чумаков сознательно ограничивает свое видение природных ресурсов лишь «энергетической составляющей». Действительно, энергетические ресурсы непосредственно связаны с энергетической безопасностью, просто с жизнедеятельностью современного человека, с технологическими трудностями их эксплуатации и пр. В то же время они (энергетические ресурсы) достаточно наглядны для демонстрации разного рода возможных глобальных конфликтов. Например, автор говорит об Арктике, которая может стать «последней запятой», после которой предложение под названием «история человечества» пойдет дальше или мирным путем, или закончится» (с. 65). При этом не следует забывать, что фундаментальность исследований Арктики определяется постоянством противоречия между объективными процессами, ограничивающими активность социального и экономического пространства Арктики, и управленческими целями усиления этой активности.

Саммит Рио + 20, который прошел в 2012 г., задал новое направление в развитии человечества — «зеленая экономика» (экономика является зависимым компонентом природной среды). При этом предлагается использовать категорию «природный капитал» вместо категории «природные ресурсы» (последняя

как бы свидетельствует о пассивной роли природы в экономике). Природный капитал и экосистемные услуги (см.: *Бобылев С.Н., Захаров В.М.* Экосистемные услуги и экономика. М., 2009; *Розенберг А.Г.* К вопросу определения экосистемных услуг и природного капитала // Самарская Лука: проблемы региональной и глобальной экологии: Бюл. 2016. Т. 25, № 4. С. 195–198), как мне представляется, параметры более общие и потому более адекватные для описания процессов глобализации, чем энергетические ресурсы; кроме того, они могут сделать экономический механизм природопользования более корректным и эффективным при реализации эколого-ориентированного развития.

Глава «Архитектоника глобального человечества» дает авторское, но в то же время достаточно объективное представление о современных контурах мирового сообщества. Единство глобального мира при этом задается цивилизацией, а в основе его многообразия лежит культура. Автор особо подчеркивает, что «процессы глобализации перманентно вступают в противоречие с культурно-цивилизационным многообразием мира, порождая опасные социокультурные коллизии» (с. 91). И как не вспомнить здесь четверостишие из «Баллады о Востоке и Западе» нобелевского лауреата Редьярда Киплинга (1865–1936):

О, Запад есть Запад, Восток есть
Восток, и с мест они не сойдут,

Пока не предстанет Небо с Зем-
лей на Страшный Господень суд.

Но нет Востока, и Запада нет,
что племя, родина, род,

Если сильный с сильным лицом
к лицу у края земли встает?

В этой главе с разной степенью подробности рассмотрены особенности цивилизационного развития Запада (Европа – колыбель Западного мира, США – его авангард, Канада, Австралия, Новая Зеландия, Южная Корея и Южно-Африканская Республика – форпосты), России (Евразийский левиафан), Китая (Влетающий дракон), других стран БРИКС, исламского конгломерата (довольно условное понятие для обозначения совокупности весьма разнородных в социокультурном отношении мусульманских стран), некоторых других стран (региональные культурно-цивилизационные системы – Аргентина, Мексика, Казахстан, Украина, Польша, Эфиопия и др.). Все это, по образному выражению автора, представляет собой «лоскутное одеяло» планетарного социума на теле нашей планеты. В условиях глобализации такая мозаичность общественных систем современного мира имеет принципиальное значение и нам «не дано предугадать» без учета интересов всех участников международных отношений, где может возникнуть та или иная новая точка напряженности. Кстати, последний раздел

этой главы как раз и посвящен зонам нестабильности и «горячим точкам» планеты. Среди причин, которые способствуют появлению все новых и новых «горячих точек», А.Н. Чумаков называет «поделенность мира» (в дальнейшем возможен лишь его передел, связанный в первую очередь с жизненно необходимыми ресурсами), новую расстановку сил на мировой арене (крах СССР, рост влияния Китая и пр.), неконтролируемую миграцию населения. Все это действительно глобальные культурно-цивилизационные процессы. Но не будем забывать, что Человек еще и биологический вид (*Homo sapiens*). И здесь я приведу пример несколько иной интерпретации некоторых глобальных процессов.

Книга немецкого социолога и демографа Г. Хейнзона «Сыновья и власть над миром: Роль террора в расцвете и упадке народов» (см.: *Heinsohn G.* Söhne und Weltmacht: Terror im Aufstieg und Fall der Nationen. Zürich, 2003; *Розенберг Г.С.* Половозрастные пирамиды и устойчивое развитие (размышления над книгой Гуннара Хейнзона) // Поволжск. экол. журн. 2014. № 1. С. 103–109) сразу стала бестселлером и после своего выхода переиздавалась уже не менее десяти раз (хотя перевода на английский язык пока так и не появилось...). В книге Хейнзона дано объяснение явлению, породившему в какой-то степени непредвиденную и необъяснимую волну терроризма и насилия, которая обрушилась в настоящее время на наш мир, назвав это явление «экокачественным или грубым (gröberem) демографическим приоритетом молодежи», «молодежным бумом (пузырём) – youth bulge» в возрастной структуре населения, описываемой половозрастными пирамидами. Для обоснования этого явления Хейнзон предложил «индекс приоритета молодежи» – отношение количества мужчин в возрасте 40–44 года к мальчикам в возрасте от 0 до 4 лет. Демографический «сбой» (это понятие он использует для характеристики тех стран, которые окажутся неспособными сопротивляться притоку молодежи из других стран) происходит тогда, когда на каждых 100 мужчин в возрасте 40–44 года приходится меньше чем 80 мальчиков в возрасте от 0 до 4 лет. В Германии это соотношение равно 100 / 50 (кстати, в России это соотношение пока 100 / 92), а в секторе Газы – 100 / 464. Можно говорить о том, что Германия фактически «готова к сдаче» таким странам, как Афганистан (100 мужчин / 403 мальчика), Сомали (100 / 364) или Ирак (100 / 351; замечу, что именно эти страны и А.Н. Чумаков рассматривает в качестве примера «горячих точек»). Таким образом, по Хейнзону, насилие имеет тенденцию происходить в тех обществах, где юноши от 15 до 29 лет составляют больше 30% от общего населения. При этом причины насилия – религия, национализм, марксизм, фашизм, т.е. то, во имя чего оно вершится, – оказываются вторичными и несущественными. На 2003 г. в

мире было 67 стран с демографическим приоритетом молодежи, в 60 из них уже происходил либо массовый геноцид, либо шла гражданская война.

Я отдаю себе отчет в том, что нельзя интерпретировать «карту конфликтности» только биологическими особенностями размножения вида *Homo sapiens* в том или ином регионе; однако совсем отрицать такой «биологизм» в глобалистике также не очень продуктивно. По крайней мере, вслед за Хейнзоном, можно сделать такой, казалось бы, парадоксальный вывод: экономическая и гуманитарная помощь странам со «злочастивным демографическим приоритетом молодежи» не может предотвратить войны, социальные волнения, террор или массовые убийства. Наоборот, в некоторых случаях эта материальная помощь, предоставляемая с самыми лучшими намерениями, является причиной насилия. Иными словами, насилие во многом есть предсказуемый и неизбежный результат в тех случаях, когда молодые люди сыты и живут в обществе, где их слишком много и где они негодуют на это самое общество, поскольку понимают, что оно не в состоянии их востребовать.

Проблемам серьезных испытаний, которые предстоят современному человечеству, посвящена глава «Макросдвиги в мировой социосистеме». Раздел этой главы «Современный мир в философском измерении» предлагает конспективное описание научных программ Всемирных философских конгрессов с 1988 г. по 2013 г. и состоявшегося в августе 2018 г. в Пекине XIV Всемирного философского конгресса с позиций отражения на них глобальной проблематики. Такого рода анализ позволяет увидеть, что в осмыслении проблем глобалистики намечился поворот к вопросам мировоззренческого, этического плана, когда вместе с масштабной волной переселения значительных человеческих масс (по причинам конфессиональных и межнациональных конфликтов, войн, голода, отсутствия достойных условий жизни и пр.) происходит «размывание» и взаимопроникновение культур, что создает совсем новые и необычные декорации, на фоне которых глобализация в экономике, политике, технологии, информации, образовании и т. д. прямо тянет человечество к новым рискам конфликтных ситуаций, усилению неопытия и напряженности в мире.

Глава «В лабиринтах конфронтации» начинается с раздела «В борьбе за правду: через заблуждения к истине». Здесь автор пытается с философских позиций определить такие категории, как «истина», «правда», «ложь», «заблуждение» и пр. Мне трудно судить, что из этих определений является уже традиционным для философии, а что — авторским видением; однако все изложение этой проблемы подводит к выводу о том, что «во все времена и на всех уровнях общественной жизни, а теперь уже и на мировой арене, где постоянно сталкиваются интересы и позиции всевозможных субъектов международных отношений, споры, разногласия и проблемы реша-

лись и решаются, как правило, под прикрытием достижения истины, тогда как в полной мере используется обычно весь арсенал правды и лжи, которые не могут не сопровождаться, к тому же еще и заблуждениями» (с. 307). Действительно, это одно из важнейших условий возникновения конфликтов (как региональных, так и глобальных). Следует согласиться с А.Н. Чумаковым, который считает, что причинами противостояния Востока и Запада, Севера (богатого) и Юга (бедного), развитых и развивающихся стран является изначальное неравенство возможностей (различия исходного «потенциала» стран — природно-климатические условия, экономические различия, культурно-цивилизационные особенности и пр.; об этом свидетельствует таблица на с. 299—300). Кроме того, Запад (в понимании А.Н. Чумакова) в отличие от остальных стран имеет преимущество в том, что он объединен относительно общей идеологией (приверженность либерально-демократическим ценностям и капиталистическим «идеалам»); но и в этой ситуации он (Запад) не в состоянии «единолично» определять судьбу отдельных стран и человечества в целом (представления об «однопольном мире» сегодня, похоже, дали нескрепляемую трещину).

В этой ситуации особый интерес представляют проблемы и механизмы глобального управления в масштабах человечества и планеты Земля в целом. Этим вопросом посвящена одна из самых больших в монографии глава «Глобальный мир: проблема управления». Здесь автор сосредоточил свое внимание на нескольких аспектах фундаментальных исследований управления глобальными системами: новый мировой порядок, теоретические аспекты глобального управления (он различает регулирование и саморегулирование, управление и самоуправление), особенности управления общественными системами (самой сложной по своей структуре общественной системой, которой человек научился управлять, является государство), локальные и региональные аспекты управления (это положение я прокомментирую ниже; здесь лишь отмечу необходимость более углубленного философского осмысления нового инструмента управления отдельными государствами и их союстами, которое активно используется в последние годы применительно в том числе и к России), пределы глобального управления («за» и «против» мирового правительства), наконец, сетевое управление в свете новейших технологий.

Автор подчеркивает, что «в отличие от управления техническими и биологическими системами и процессами, управление в социальной сфере многократно усложняется за счет того, что в качестве объекта управления здесь выступают как отдельные люди, так и всевозможные их коллективы и объединения (от микрорук вплоть до всего человечества). Все они

обладают творческим началом, постоянно приносят элемент неопределенности в их поведение и реакцию на управленческие решения» (с. 334). Это утверждение справедливо лишь тогда, когда сложность системы (о которой автор говорит неоднократно – см.: с. 334, 338, 410 и др.) определяется не на структурном уровне («большая» система еще не значит «сложная»; наблюдается так называемый «эффект кучи» – как провести границу между «кучей» и «некучей?»), а на поведенческом (в соответствии с принципами усложняющегося поведения сложных систем (см.: *Розенберг Г.С.* Введение в теоретическую экологию / В 2 т.; изд. 2-е, исправ. и допол. Тольятти, 2013; *Розенберг Г.С.* In vivo – in vitro – in silico в экологии // Биосфера. 2015. Т. 7, № 3. С. 155–162)). Более того, каждая сложная система обладает как простыми свойствами (аддитивными, например, масса), так и сложными (неаддитивными, например, устойчивость). С этой точки зрения говорить о более легком управлении техническими и биологическими системами и процессами по сравнению с социальными не совсем корректно; конструктивный системный подход ориентирует на исследование сложных (функциональных) характеристик сложных систем, что требует более широкого использования аппарата теории вероятностей, случайных процессов и других приемов стохастического описания явлений и процессов.

В этом контексте несомненный интерес представляет и статья И. Пригожина (*Пригожин И.* Кость еще не брошена. Послание будущим поколениям // Наука и жизнь. 2002. № 11. С. 4–7), фактически его научное завещание, имеющая подзаголовок «Послание будущим поколениям». Подчеркивая, что современная «наука не занимается изучением уникальных событий» (на нашем языке – суперсложных систем, человечества в целом), он все-таки пытается дать футуристический прогноз. Будущее, по Пригожину, главным образом связано и направлено на Человека: «Мы не нуждаемся ни в каком “пост-Человечестве”. Человек, каким он является сегодня, со всеми его проблемами, радостями и печалью, в состоянии понять это и сохранить себя в следующих поколениях». При этом многовариантность окружающего мира раскрывает перед человечеством возможность выбора, который, в свою очередь, предполагает и определенную этическую ответственность. Задачей ближайшего будущего Пригожин считает развитие информационных технологий: «Я убежден, что мы приближаемся к точке бифуркации, которая связана с прогрессом в развитии информационных технологий и со всем тем, что к ним относится, как-то: средства массовой информации, робототехника и искусственный интеллект. Это – “об-

щество с сетевой структурой” (networked society) с его мечтами о глобальной деревне». Но дальше следует предостережение: «Нельзя допустить, чтобы развитие “общества с сетевой структурой”, базирующегося на информационных технологиях, привело к появлению новых разногласий и противоречий. Надо искать решение и более фундаментальных проблем...» Мне представляется, что решение этих проблем требует иных, отличных от традиционных методов и подходов.

В главе «В поисках адекватных решений» речь идет о формах и способах разрешения противоречий в глобальном мире (различаются мирные, военные и агрессивно-наступательные), обсуждается направленный вектор нерешаемости насущных проблем (вопросы – проблемы – коллапс – катастрофа – крах – конец), применение силы для решения глобальных конфликтных ситуаций («мягкая сила» – культурные и политические ценности, эффективная социальная политика, система образования и пр.), санкции (здесь хотелось бы видеть более углубленный философский анализ этого инструмента воздействия), возможности диалога для преодоления конфликта интересов (система Запад – Китай – Исламский мир – Россия; здесь с моей «экологической точки зрения», возможно, представляет интерес «противостояние» экофилософии и экэкономии (см.: *Розенберг Г.С.* Экофилософия и экэкономия: кто кого? // Изв. Самар. НЦ РАН. 2014. Т. 16, № 1 (7). С. 1820–1827).

Завершает главу раздел «Полицентризм и перспективы глобального развития», в котором сделана попытка ответить на вопрос: «Как устроен и как должен быть устроен наш мир, чтобы с учетом несовершенства и всех противоречий, присущих не только ему, но и самому человеку, будущее мирового сообщества и нашей планеты в целом было бы, ну, хотя бы, как минимум, приемлемым?» (с.463). После распада СССР и социалистического лагеря на какое-то время мир стал однополярным с центром в США. Такая архитектура мировых отношений просуществовала не долго – 20–25 лет; усилиями новой России и ряда других стран сегодня смело можно говорить о становлении более адекватного мирового порядка – многополярного мира.

Последний раздел «Вместо заключения» свидетельствует о том, что автор в своей монографии поднял больше вопросов, чем дал (подчеркну, все-таки дал и весьма содержательно) ответов. Более того, А.Н. Чумаков сформулировал в этом разделе основные базовые принципы и положения глобальной проблематики, среди которых можно выделить следующие:

глобализация – это *тренд на века*, если не сказать больше – *навсегда*;

закономерным следствием и имманентными спутниками глобализации являются *глобальные проблемы*;

для решения глобальных проблем современности требуются *новые* глобальные инструменты; особую роль приобретает, можно сказать, *мониторинг* новых вопросов и проблем, которые вызывают все большее беспокойство, но еще не стали предметом пристального внимания, как они того заслуживают;

современный мир *слишком сложен*, чтобы доверять его нескольким персонам, тем более одному человеку, равно как и какому-то одному центру принятия решений;

мы не должны гнаться за экономическим ростом (измерять все в ВВП), за сиюминутным благополучием в условиях, когда планета уже перенаселена, а антропогенное воздействие на окружающую среду *превышает* ассимилирующие возможности биосферы;

чем активнее разворачивается глобализация, тем больше люди уходят в свое национальное, локальное, частное, будируя вопросы этнического, культурно-исторического, политического и территориального самоопределения; поиск *баланса и компромисса* между национальными и общечеловеческими моралью и системой ценностей одна из самых актуальных задач современности;

вне *культурно-цивилизационного* подхода сущность многих актуальных глобальных проблем современности остается за пределами внимания.

Хочу отметить, что завершающая триптих монография А.Н. Чумакова убедительно демонстрирует контуры теории глобализации: в первой книге глобализация предстает как самодостаточный исторический процесс, разворачивающийся в соответствии с логикой локальных, региональных и глобальных изменений в общественном развитии (можно сказать, структурная составляющая глоба-

лизации); во второй она выступает в качестве одной из важнейших характеристик мировой социосистемы, которая позволяет увидеть ее изменения с учетом трансформации внутреннего содержания (культуры) и изменений форм (цивилизации; иными словами, динамическая составляющая глобализации); наконец, в третьей, прорецензированной монографии (функциональный аспект глобальной социосистемы) показано, как эволюционирует глобальный мир в качестве целостной, стихийно регулируемой и совсем неуправляемой культурно-цивилизационной системы, а также проанализированы наиболее вероятные пути и сценарии его дальнейшего развития. Мне представляется, что с выходом этой книги А.Н. Чумаков может смело присоединиться к словам одного из организаторов Римского клуба А. Печчи: «Нашей целью была высадка десанта, призванного пробить брешь в той шатающейся самодовольства, где имело глупость окопаться общество» (Печчи А. Человеческие качества. М., Прогресс, 1980. С. 119). Десант высадился, закрепился, можно начинать наступательную операцию.

Член-корреспондент РАН Г.С. Розенберг
(г. Тольятти)

Розенберг Геннадий Самуилович – доктор биологических наук, профессор, чл.-корр. РАН, главный научный сотрудник Института экологии Волжского бассейна РАН.
genarozenberg@yandex.ru

Rozenberg Gennady S. – DSc in Biology, professor, corresponding member of RAS, chief scientist of Institute of Ecology of the Volga River Basin of the RAS.

DOI:10.31857/S004287440001364-5

Н.А. ГРЯКАЛОВ. **Фигуры террора** — 2. СПб.: Изд-во РХГА, 2017. 232 с.

Гераклит говорил о правящей вещами молнии... Идея, рефлексия, теория — все эти поздние оптические метафоры, которые давно перестали быть понятиями, поскольку перестали хоть что-то прояснять, — замыкают нас в плену самоочевидности, не давая выйти к изначальному импульсу мысли, к ее истоку. Мы говорим об идеях, теории, рефлексии в силу сложившейся традиции. Привыкшие к оптической метафорике, к машинам зрения, определяющим направление взгляда и горизонт мышления, мы забываем, что до обнадёживающей и успокоительной «идеи» Платона, до аскетической «*bios theoretikos*» Аристотеля, повлиявшей и на поздний идеал ученого, до новоевропейской «рефлексии», даже в критический свой период обосновывающей торжество отчетливых и устойчивых понятий, одним словом, до всех метафор, рисующих аполлонический мир строгих и ясных форм, была ночь и жуткая молния Гераклита.

Конечно, не меньшим препятствием к пониманию выступает и индустрия культуры. *Вторая* природа в своих плавильных тиглях до неузнавания преобразила *первую*, освоила ее как ресурс — пусть даже рекреационный, наделенный соответствующими эстетическими коннотациями, а потому мы в отличие от человека времен Гераклита неизбежно видим молнию, а не переживаем ее всем телом в сложной и болезненной игре эмоциональных интонаций и (пато) физиологических состояний. Пытаясь помыслить ее в духе Гераклитового высказывания, мы рискуем совершить критический промах.

Молния в силу исторической и культурной ситуации дана нам только в модусе представления и уж точно не в модусе воли. Для нас молния — включение и выключение света, например, естественного света разума, молния — вспышка и затухание рефлексии, размечающей границы вещей, позволяющей ориентироваться